

В МОСКВЕ

ВРЕМЯ

начались гастроли «Комеди Франсэз» — театра, достаточно хорошо известного нам как благодаря своим прежним выступлениям, так и благодаря той славе, которую он снижал на протяжении своего почти трехсотлетнего существования. Гости привезли традиционную и обязательную для них классицистскую трагедию — «Андромаху» Расина, «Женитьбу Фигаро» Бомарше и пьесе Поля-Эмиля Дейбера «Труппа Мольера». Начали они «Андромахой» и «Труппой Мольера» — спектаклем, который бегло прокомментировал, или, вернее, проиллюстрировал сценическую биографию великого основоположника этой труппы. Обе постановки весьма любопытны и сами по себе, и по существу тех проблем, которые неизбежно возникают, едва спектакль кончается.

Впрочем, «неизбежно возникают», пожалуй, лишь у нас. Французы, конечно же, привыкли к тому, что у них есть такой театр, что он таким образом играет, и судят они о нем, приняв за нечто обязательное его годами выработанную стилистику. Законность подобных требований очевидна, но тем не менее принять их весьма и весьма нелегко. Дело тут не в непривычности впечатлений: любую оправданную условность принимаешь в искусстве в общем легко и скоро. Дело в другом — в том, что, несмотря на признание всех имеющихся достоинств, не можешь отделаться от грустной мысли о бесплодности многих усилий.

О «Комеди Франсэз» говорят, что это театр, охраняющий традиции, едва ли не музей. Сравнение с музеем кажется нам и спорным, и несколько наивным: мертвый экспонат — он раз и навсегда мертв и сохраняется неизменным до тех пор, пока не рассыпется в прах. Но живые актеры? Актеры, связанные со своим временем, со своей публикой, — как можно говорить, что они играют так же, как играли их предшественники сто, двести лет назад? Может быть, хуже, чем Тальма, Адриенна Лекуврер, Коклен-старший, но иначе, как бы ни тщились они соблюсти некий принятый за образец стиль. Но если не музей, не точная копия, то что же?

Не будем апеллировать к истории и ссылаться на то, что сам театр не считал свою неизменность такой уже неизменной. В нем многое менялось и часто брало верх стремление к тому, чтобы выразить не нейтральное, но свое время. Правда, мысли бывали порой более прогрессивными, чем стиль, но каждый большой художник что-то сдвигал и в нем, привносил что-то новое, необходимое именно сегодня. «Андромаху» и «Труппа Мольера» нам этого ощущения

времени не показали. В трагедии Расина многое было безупречно — чувство меры и вкуса прежде всего, но это такая безупречность, которая вряд ли способна задеть сердца. Мы с удовольствием слушали чеканную речь исполнителей, мы понимали, сколько вдохновенного труда надо потратить на то, чтобы достигнуть подобной пластики, изящества, слаженности. Все это мы прекрасно понимали, но при этом думали о том, что написанная в XVII веке «Андромаху» могла прозвучать далеко не так бесстрастно и отстраненно.

Нет, внешний пыл тут был: в модуляциях голоса, в патетике жеста, но до конца поверить в силу чувств было трудно, если не сказать — невозможно. Повторяем, мешала не столько условность игры, мешал тот принцип, который был положен в ее основу. Во имя чего была поставлена «Андромаху», зачем нужен был Расин сегодняшнему зрителю? Урок в лицах, напоминание о классическом наследии — не слишком ли это мало для театра, который сам богатство и наследие и пригоден для целей куда более значительных? Не слишком ли это мало и для Расина — быть только свидетельством славного прошлого? Не слишком ли это мало и для актеров, не ограничивая ли их? Новая встреча с Терез Мариз, Андрэ Фальконом, Жапом-Луи Жемма, к сожалению, не смогла убедить нас в противном. Да, тут чувствуется несомненная одаренность, отточенная техника, понимание законов мастерства, — но тут с трудом угадывается индивидуальность, которая больше всего прочего и интересна в искусстве.

Правда, в «Труппе Мольера», сыгранной опять-таки с превосходным ощущением стили вещи, молодой Жан Пья вдруг заставил нас на минуту ощутить весь трагизм судьбы художника. Но лишь на минуту. И он, и талантливый Жорж Декриер, в прошлом актер театра «Старой голубятни», тоже побывавшего в Советском Союзе, и их партнеры прежде всего мастерски разыгрывали страницы великой биографии, а уж потом серьезно задумывались над тем, какой урок можно из всего этого извлечь...

На этой неделе «Комеди Франсэз» показывает «Женитьбу Фигаро». Кто победит на этот раз — живое содержание бессмертной бунтарской комедии или стремление сохранить академичность?

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

«МЗВЕСТИ»
МОСКВА
1 5 ИЮН 1967